

Галимова Н.В.

Этнокультурная символика как феномен духовных традиций народов КБР

Аннотация: Предметом исследования является создание научной основы для междисциплинарного исследования этнокультурной символики кабардинцев и балкарцев, как основы восприятия и выявления вопросов этногенеза, художественного творчества, обрядовых, и других явлений в данном регионе. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы как философско-эстетический, культурологический анализ и исследование литературных источников для того, чтобы на основе народного фольклора, проследить художественно – эстетическую основу синкретизма в духовной культуре народов КБР. Изыскание базируется на этнонациональном осознании фольклора, как носителя духовно-этнических ценностей и традиций, как формулирование личного мироощущения, как одного из тех элементов, который обеспечивает преемственность культуры в её развитии, сохранение базовых, фундаментальных национальных ценностей. Методологическую основу исследования составил аспект системного и диалектического подхода к изучению этнокультурной символики КБР. Подобный подход к разбору разноречивой и познаваемой природе символа придал работе комплексный характер. Основными выводами проведённого исследования является, что этнокультурная символика хранит субстанциальное тождество идеи и вещи или заключает в себе образ, который предопределяет наличие некоего смыслового значения (смысл), и они совместно формируют немислимые друг без друга элементы символа. Новизна исследования заключается в формировании системного взгляда на специфику предпочтений и основ для дальнейшего изучения этнокультурной символики и генезиса графического символа – фамильных знаков (тамгов), как аспекта духовной и материальной культур народов КБР.

Ключевые слова: Духовная культура КБР, орнамент, этнография, фольклор, этнокультурная символика, тамги, графический символ, традиции, солярные знаки, музыкальная символика.

Review: The subject of the research is the scientific grounds for the interdisciplinary research of ethnocultural symbolics of Kabardians and Balkarians as the basis of perception as well as issues of ethnogenesis, artistic creativity, rituals and other phenomena in the region. The author of the article examines such aspects of the topic as the philosophical, aesthetical and cultural analysis and research of literary sources in order to describe artistic and aesthetic grounds of syncretism in the spiritual culture of Kabarians and Balkarians based on their folklore. The research is based on the ethnonational concept of folklore as a carrier of spiritual ethnic values and traditions and certain view of life as one of the elements that ensure the continuity of culture and preservation of the basic fundamental national values. The methodological basis of the research includes the elements of the systems and dialectical approaches to studying ethnocultural symbolics of the Kabardino-Balkar Region. Such approach to the analysis of contradictory and perceptible nature of symbol has made the research integral. The main conclusions of the research is that ethnocultural symbolics either preserves the substantial unity of Idea and Item or implicates the image that predetermines the presence of a certain semantic meaning that, in their turn, collectively create insaparable elements of a symbol. The novelty of the research is caused by the fact that the author develops a systems approach that may be useful for further research of ethnocultural symbolics and genesis of the graphic symbol – family signs (tamgas) as an aspect of spiritual and material culture of Kabardians and Balkarians.

Keywords: Ethno-cultural symbolism, folklore, ethnography, ornament, spiritual culture of the Kabardino-Balkar Region, tamga, graphic symbol, tradition, solar signs, musical symbols.

Введение.

Процесс научного постижения культурной и исторической самобытности народа стал сегодняшней реальностью общественной жизни и рас-

ширяет грани изучения и поиска новых ракурсов, обуславливающих их развитие. Данный эмпирический метод исследования, позволил включить в научную методологическую основу и актуализировать такие представления как синергетическая парадигма гуманитар-

Историческая культурология и история культуры

ных знаний. Таким образом, значительность культурологической базы синергетических исследований для создания фундамента исследования феномена народной художественной культуры велика.

По теории М.С. Кагана, культура как сфера бытия создаёт идеи и ценности, определяющие деятельность человека, которые в свою очередь формируют художественно-эстетическое познание на основе творческого процесса восприятия и отражения мира.

Целью работы является создание научной основы для междисциплинарного исследования этнокультурной символики кабардинцев и балкарцев, как основы восприятия и выявления его в синкретичной природе вопросы этногенеза, художественного творчества, обрядовых, и других явлений в данном регионе.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть философско-эстетический аспект проблемы символики;
- выполнить культурологический анализ и исследование литературных источников для того, чтобы на основе орнамента выявить основные графические символы народного творчества кабардинцев и балкарцев;
- проследить художественно – эстетическую основу синкретизма фольклорной символики в этнической песенной и танцевальной культуре народов КБР.

Методологическую основу исследования составил аспект системного и диалектического подхода к изучению этнокультурной символики КБР. Подобный подход к разбору разноречивой и познаваемой природе символа придал работе комплексный характер. Наиболее близкими тематике нашего исследования явились труды А.Я. Кузнецовой «Народное искусство балкарцев и карачаевцев», М.Ч. Джуртубаева «Древние верования балкарцев и карачаевцев», Х.Х. Яхтанигова «Северокавказские тамги», К.Г. Азаматова «Пережитки язычества в верованиях балкарцев», В.М. Батчаева «Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев», Б.Х. Мальбахова «Декоративно-прикладное искусство адыгов», О.Л. Опрышко «По тропам истории», Т.Х. Кумыкова «Хан Гирей», Б.А. Гарданова «Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев». Исследования Мэнди П. Холла «Энциклопедическое изложение масонской герметической, каббалистической и розенкрейцеров-

ской символической философии» и Х.Э. Кэрлота «Словарь символов».

Бесценным вкладом в изучение этой проблемы является, по существу, уникальная работа известного просветителя Ш. Б. Ногмова «История адыгейского народа», в которой подробнейшим образом подвергается анализу история, этнография и фольклор адыгов.

В древнегреческом языке условный знак каких-либо представлений, идей, явлений изображающий тот или иной объект означает слово «символ». В том значении, в котором оно применяется, символика интегрируется с такими синкретическими элементами, как эстетический образ, иносказание и сопоставление. Общеизвестно, что один из главных предметов христианства крест как символика культа зародился ещё в первобытном обществе, а вслед за этим как культовый символ был распространён в религиях Древнего Египта, Ассирии, Греции, Рима и др. Древний символ «свастика» считаясь солярным (солнечным) знаком в своё время стал символикой национал-социализма.

Зачастую символ путают со знаком, но можно чётко разграничить эти два понятия – потому что, отличительной чертой символа, бесспорно, является более глубокая духовно-социальная нагрузка.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля предопределяет слово «символ» как «полную картину, сущность в немногих словах или знаках, изображение картинное с переносным, символическим, иносказательным значением» [1].

В первой половине XX века немецкий философ Эрнст Кассирер в своей работе «Философия символических форм» систематизировал представление символа и отнёс к «символическим формам» обширный пласт духовных проявлений, аналогичных языку, мифу, религии, искусству и науке, с содействием которых человечество систематизирует хаос вокруг себя. Как предполагал Кассирер, в «символической функции», раскрывается самая суть гуманистического разума и его способ существования посредством синтеза противоположностей. Совместной точкой зрения для них становится уже не «познание», а «дух», сопоставляемый с «духовной культурой» и «цивилизацией» в целом и неделимом как антитезу природе. Основной проблемой, с какой мы встречаемся в процессе рассмотрения языка, искусства и мифа, является вопрос, чувственного восприятия единичного

содержания, которое может стать носителем совместного культурологического значения.

«Чудо происходит тогда, когда ощущаемая нами материя получает всякий раз новую и многообразную духовную жизнь в зависимости от способа воззрения на нее» отмечал Э. Кассирер [2, с. 29].

В своё время ещё Кант подтверждал, что виды искусства, существуя как подсознательные формы представления, носят символический характер.

В связи с этим можно отметить, что в глубинном определении оригинальности выше обозначенного явления наравне с прочими факторами существенное значение имеет этнический орнамент.

Культурные традиции орнаментального искусства кабардинцев и балкарцев, основываясь на этнонациональном понимании фольклора, рассматривая его как носителя духовных ценностей, традиций, как выражение национального мироощущения, обеспечивающего преемственность культуры, уходят в далёкое прошлое. Столетиями складывался графический стиль орнаментики, веками накапливались его знаки, крайне затейливо и многообразно воссоздававшие древнейшие верования народов.

В древние времена народ создал систему оберегов – предметов-символов, имевших, по мнению людей, волшебную силу против зла. Знаки орнамента так же служили оберегами.

Орнамент встречался всюду – в интерьере, на посуде, орудиях труда, оружии, одежде, обрядовых предметах, культовых камнях, каменных надгробных стелах, металлических украшениях. Основу его составляли стилизованные изображения растительного и животного мира, небесных светил и явлений, мифологических персонажей, которым издавна поклонялись наши предки. Он состоял из символических знаков, которые в зашифрованной форме передавали значение и функции того или иного объекта. Народные символические знаки были ещё и украшением. Эти тривиальные, но прекрасные символы связаны с миропониманием народа. Наши предки через орнамент воплощали красоту родной природы в предметах материальной культуры. Каждый знак орнамента имел свой особый смысл и значение.

...Одеяние защищает человека от влияния внешней среды. А любую защиту, по представлению наших далёких предков, можно было сохранить, приумножить с помощью

чудодейственных воздействий, часто закодированных в узорах орнамента. Несомненно, чудодейственный смысл некоторых частей одежды и орнамента сильнее всего выразился в праздничных, обрядовых вариантах одевания. Магические знаки орнамента призваны были защищать человека от хищных зверей, злых духов и природных явлений. Например, у балкарцев, «кусоч волчьей шкуры со знаком свастики якобы охранял от удара молнии» [3, с.3].

Народный танец и орнамент неотделимы друг от друга и составляют единое синкретическое искусство. В прошлом гордостью для каждого горца считалось богатое украшение – оружие, газыри, мужской и женские пояса с наборами из благородных металлов, подвязки для ноговиц, массивные застёжки для бровок, которые были богато орнаментированы. Народная хореография является ценнейшим историческим источником, который содержит в себе уникальные исторические сведения по многим вопросам этнографии. Благодаря обрядовым танцам, ровно, как и предметам материальной культуры, сохранились названия знаков орнамента.

«Орнамент с изображением небесных светил и явлений, так называемых «солярных знаков» часто применялся для мужской и женской одежды. В балкарских свадебных танцах «Келечиле», «Келин», «Алай-былай» для мужских и женских костюмов использовался орнамент со знаками Солнца, Луны, Неба, Земли, Дебета, Сатанай... Орнаменты с головой и рогами диких животных использовались для мужской одежды, когда молодых посвящали в охотники... Для воинственных танцев «Тотур», «Салпюгюр», «Жануул» мужская одежда орнаментировалась военными знаками» [Там же, с. 9].

Колдовская сила народного орнамента так велика, что, заглянув в эту сокровищницу и осознав его связь с обычаями, обрядами, с древнейшими истоками народной культуры, уже не можешь остаться равнодушным. Чем глубже изучаешь народные обычаи и изделия, тем больше убеждаешься в том, что это – образная летопись жизни наших предков, которая языком звука, цвета, формы, пластики раскрывает нам многие сокровенные тайны и законы красоты народного искусства.

Символические черты традиционного орнамента кабардинцев и балкарцев включают геометрические, зооморфные и позднее растительные мотивы, каковые зачастую приоб-

Историческая культурология и история культуры

ретают сложное графическое композиционное взаимодействие. Древнейшая солярная символика подтверждает долговременное сохранение в общенародном сознании пережитков неолитического и эндолитического искусства. Существенную стилеобразующую роль в орнаменте кабардинцев и балкарцев выступают отображения фамильных знаков встречающиеся во многих видах традиционного ремесла. Среди северокавказских этносов именно эти народы сберегли предельное пристрастие к фамильным знакам. Обладая графичной завершенностью тамга, как всякий традиционный символ, попадая в центр орнаментальной композиции, выражает очевидное стилеобразующее воздействие на сам орнамент. В результате творческого моделирования тамги приобретали порой весьма сложный и причудливый узор. Virtuозность при создании тамги была обязательна: некоторые знаки различались друг от друга едва приметными элементами. Эта чрезвычайно разнообразная каллиграфия в металле составляет особый пласт декоративного искусства кабардинцев и балкарцев.

На Кавказе первые фамильные знаки (графические символы) – «тамги» появились, по мнению некоторых ученых, в эпоху раннего Средневековья. С начала XVI века в повседневном быту народов Северного Кавказа тамги выполняли разнообразные функции: они наносились на утварь, вещи, тело животного как знак собственности, вышивались на свадебном флаге, высекались на могильных плитах.

«Появление тамги в эпоху господства родового строя Лавров считает малообоснованным, но, касаясь значения тамги в родственном аспекте, он объясняет, что знак собственности, общий для всей фамилии, с течением времени становился графическим символом, т.е. гербом» [4, с. 6].

Исследователи Д. Кантемир, П.С. Паллас, Ф.А. Коленати, Е.Т. Соловьев, Е.Д. Фелицин пытались расшифровать смысловое значение тамговых знаков, делая акцент на религиозно-тотемическую сторону или религиозно-магическую символику, отмечая, что у большинства тамг смысл символа «невозможно определить без риска перейти границы разумного» [5, с. 103].

Профессор Л. И. Лавров считал первым из исследователей кавказских тамг Д. Кантемира, зарегистрировавшего в 1772 году две из них [Там же, с.71].

Однако наиболее тщательное изучение источников свидетельствует о том, что первыми, кто описал и зарисовал северокавказские тамги, являются безвестные писари Конюшенных приказов Российского государства, которые зафиксировали элитных лошадей, преподнесенных в дар царскому двору. «Они по долгу службы внимательнейшим образом описывали тавры, масть, возраст, высоту и другие особенности лошадей» [4, с. 4].

Тщательный анализ, проведенный в исследовании, подтвердил научные выводы Лаврова о том, что тамги представляют вариации примерно одного и того же комплекса фигур: круга, лиры, дуги, а после отмены крепостного права появляется множество фамильных тамг, которые воспроизводят знаки – подобию букв русского алфавита: «О (Ныровы), П (Келеметовы), Т (Тхашоковы), Э (Маремкуловы), З (Мисостовы), Я Куденетовы), К (Кармоковы)» – у кабардинцев [Там же, с. 136-151];

«Ш (Шахановы), Я (Ахметовы), Е (Дандараевы), О (Хаировы)» у карачаево-балкарцев [6, с. 80-95].

Традиционный обычай горцев пользования тамгами охватывал множество сторон, которые касались как сословных этнических взаимоотношений, так и обычных семейных бытовых явлений. «Обычай пользования тамгами показывает, что патронимическая тамга являлась свидетельством коллективной защиты стад» [7, с. 92].

К фамильным тамгам обладатели относились весьма бережно, пытаясь не обесценить собственный знак наследственного и общественного статуса. Изначально, когда владельцами родовых тавро были «только князья уорки», бытовала поговорка: «Тавро ставят на сторону, с которой садятся», т.е. слева [8, с. 83].

По всей вероятности, настоящий фактический символ имел место. Кстати на тех немногих сохранившихся до наших дней изображениях кабардино-черкесских всадников, художники изображали тамги именно на левой ляжке лошади.

Для мест, где отсутствовали стандарты и параметры качества продукции, тавро всегда читлось горцами и, можно сказать, возлагало большую ответственность на его обладателя, «их хранили и берегли как дорогую реликвию» [9, с. 53].

Говоря о музыкальной культуре кабардинцев и балкарцев, следует отметить, что её истоки относятся к давним временам. Су-

дя по некоторым песням наиболее древнего происхождения, можно утверждать, что уже в XV-XVI веках кабардинское вокальное искусство было хорошо развито. Песни о нартах убеждают нас в том, что они относятся к языческим временам.

Кабардинцы имеют большое количество обрядовых свадебных, культовых песен и музыки. Среди них древние инструментальные произведения: «Псыхаго», «Малегаже» (выгон отары), «Шибле удж» (танец в честь небесной молнии и его божества Шибла), «Уаредада» [10, с. 112].

Ш. Ногмов пишет, что музыкальное искусство было распространено у кавказских народов, к числу которых относятся и кабардинцы. «Музыка, – пишет он, – была в большом употреблении на праздниках, свадьбах и пирах, которые давали при рождении детей» [11, с. 61].

Кабардинская и балкарская народная музыкальная символика создавалась главным образом сказителями-импровизаторами – у кабардинцев «джегуако», у балкарцев «халкжерчи», которые были не только певцами и музыкантами, но и затейниками, поэтами, актёрами и даже танцорами. Сказители участвовали в общественных делах, военных походах, вдохновляя воинов на подвиги, осуждая трусость и измену, складывая вдохновенные и правдивые песни о храбрости народных героев. Они были выразителями общественного мнения, мудрости и совести народа, который относился к ним с уважением и почётом, поддерживая их также и материально. Это были скоморохи, призванные увеселять на народных бытовых праздниках и вместе с тем быть народными историками, хранящие в памяти своей сказания, исторические события, ратные подвиги и накопленную веками мудрость.

В «Истории адыгейского народа» Ногмова содержится характеристика народных певцов джегуако:

«Сочинители стихов и песней называли гекуоками; они были люди неграмотные и простого звания, но одарённые поэтическим воображением. Гекуоки и трубачи кирапеш или сринапшо, которые на войну ездили на серых конях, должны были сочинять стихи или речи для одушевления воинов перед сражением. Становясь перед войском, они пели или читали свои стихи, в которых о неустрашимости предков и приводили для примера их доблестные подвиги» [Там же, с.63].

В своей работе «Черкесские предания» Хан-Гирей говоря о народных певцах, подчёркивает значение народных песен и сказаний и свидетельств джегуако как исторических документов:

«Певцы нередко были необходимы, как хранители событий. Рассказывают, что два княжеских рода в спорном деле не могли примириться: каждый доказывал древность своего происхождения, следовательно, и преимущество своих прав. Для разрешения дела потребовали в собрание известного певца и приказали ему пропеть одну из самых древних песен, в том предположении, что тот княжеский род, которого члены более оказали подвигов в известном событии, естественным образом должен пользоваться преимуществом...» [12, с. 19].

Самостоятельный интерес представляет характеристика адыгских народных певцов – джегуако, которую находим в сочинениях Хан – Гирея.

«Говоря о поэзии черкес, нельзя не упомянуть о поэтах или певцах их: в прежние времена было в Черкесии особое сословие так называемых декоако, которые исключительно занимались стихотворством, воспевали кровавые события, народные и славные деяния отличившихся воинов, составляли жизнеописания знаменитых мужей и пели вековые песни; таким образом, эти певцы подвиги предков передавали потомкам и в таких занятиях находили не только пропитание, но даже и богатство: каждый князь, пользовавшийся уважением своих подвластных, имел при себе таких певцов, содержал их в довольстве и обогащал дарами.

Силы и красоты слога произведений поэтического воображения этих певцов чрезвычайны» [13, с. 84].

Полученные результаты исследования позволяют с большой уверенностью констатировать, что этнокультурная символика хранит «субстанциальное тождество идеи и вещи» [14] или заключает в себе образ, который предопределяет наличие некоего смыслового значения (смысл), и они совместно формируют немислимые друг без друга элементы символа.

Научные инновации синергетики дают возможность открыть новые темы в изучении всех явлений, процессов, феноменов в культурологическом и художественно-эстетическом ракурсе этнокультурного, материально-

Историческая культурология и история культуры

го, духовного, личностного и социального, на всех уровнях бытия, что расширяет форму познания в сфере культуры и искусства. Именно синергия творческого потенциала национального искусства формирует исторические фабулы духовной культуры и символического искусства народа.

В заключение необходимо сделать исследовательское обобщение о поистине титанической работе кабардинских и балкарских просветителей в творческом контакте с пере-

довыми представителями русской академической науки по накоплению, публикации и изучению фольклорных материалов. Рост и характер накопления фольклорных материалов в конце XIX – начале XX века, способствовали возникновению национальной науки и формированию нового системного взгляда на специфику предпочтений, и оснований фундамента философско-эстетической базы этнокультурной символики, как феномена духовной культуры народов КБР.

Библиография:

1. URL: Значение слова «СИМВОЛ» (дата обращения: 23.05.2016).
2. Кассирер Эрнст. Философия символических форм. Том 1. Язык. М.; СПб.: Ун. книга, 2002. 272 с.
3. Кудаев М.Ч. Карачаево-Балкарская этнохореография и символика. Нальчик: Эльбрус, 2003. 108 с.
4. Яхтанигов Х.Х. Северокавказские тамги. Нальчик: «Лейтер-ибн-Марат», 1993. 204 с.
5. Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978. 91 с.
6. Кудаев М.Ч. Карачаево-балкарская этнохореография и символика. С. 80-95.
7. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа, вторая половина XIX – XX вв. М: Наука, 1983. 265 с.
8. Думанов Х.М. Обычное имущественное право кабардинцев. Нальчик: Эльбрус, 1976. 140 с.
9. Мамбетов Г.Х. Из истории скотоводческого быта кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX в. – начала XX в. // Вестник. Нальчик, 1973. КБНИИ №7.
10. Шафиев Н.А. История и культура кабардинцев в период позднего средневековья. Нальчик: Эльбрус, 1968. 170 с.
11. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.
12. Алиева А.И. Фольклор Адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1979. 404 с.
13. Хан-Гирей Султан. Черкесские предания. Ч 1 и 2. Русский вестник, 1841, т. 2, Спб., №4, С. 1-78.
14. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. URL: <http://www.psyoffice.ru/2732-9-losev000-index.html> (дата обращения: 25.05.2016).
15. Тинякова Е.А. Как фольклор может стать источником исторических исследований // Филология: научные исследования. – 2016. – 1. – С. 21 – 25. DOI: 10.7256/2305-6177.2016.1.17898.
16. Каминская Е.А. Антропологические измерения культурных смыслов традиционного фольклора // Философия и культура. – 2016. – 3. – С. 430 – 439. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.3.16974.
17. Хокон С.Э., Сиюхова А.М. Адыгский этнокодлом в социокультурной ситуации современного полиэтничного региона // Человек и культура. – 2014. – 5. – С. 1 – 31. DOI: 10.7256/2409-8744.2014.5.14593. URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_14593.html
18. М. Мосс Учебник этнографии (перевод фрагментов М.Н. Пророковой) // Философия и культура. – 2012. – 7. – С. 85 – 98.
19. М. И. Кравчук Северный Кавказ: проблемы восстановления Перечня коллекций фотодокументов московских этнографических экспедиций (1920–1931), хранящихся в РГАКФД РФ // Исторический журнал: научные исследования. – 2011. – 6. – С. 38 – 50.

References (transliterated):

1. Kassirer Ernst. Filosofiya simvolicheskikh form. Tom 1. Yazyk. M.; SPb.: Un. kniga, 2002. 272 s.
2. Kudaev M.Ch. Karachaevo-Balkarskaya etnokhoreografiya i simbolika. Nal'chik: El'brus, 2003. 108 s.
3. Yakhtanigov Kh.Kh. Severokavkazskie tamgi. Nal'chik: «Leiter-ibn-Marat», 1993. 204 s.
4. Lavrov L.I. Istoriko-etnograficheskie ocherki Kavkaza. L.: Nauka, 1978. 91 s.
5. Kudaev M.Ch. Karachaevo-balkarskaya etnokhoreografiya i simbolika. S. 80-95.
6. Smirnova Ya.S. Sem'ya i semeinyi byt narodov Severnogo Kavkaza, vtoraya polovina XIX – XX vv. M: Nauka, 1983. 265 s.

7. Dumanov Kh.M. Obychnoe imushchestvennoe pravo kabardintsev. Nal'chik: El'brus, 1976. 140 s.
8. Mambetov G.Kh. Iz istorii skotovodcheskogo byta kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX v. – nachala XX v. // Vestnik. Nal'chik, 1973. KBNII №7.
9. Shafiev N.A. Istoriya i kul'tura kabardintsev v period pozdnego srednevekov'ya. Nal'chik: El'brus, 1968. 170 s.
10. Nogmov Sh.B. Istoriya adygeiskogo naroda. Nal'chik: El'brus, 1994. 232 s.
11. Alieva A.I. Fol'klor Adygov. Nal'chik: El'brus, 1979. 404 s.
12. Khan-Girei Sultan. Cherkesskie predaniya. Ch 1 i 2. Russkii vestnik, 1841, t. 2, Spb., №4, S. 1-78.
13. Losev A. F. Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii. URL: <http://www.psyoffice.ru/2732-9-lose000-index.html> (data obrashcheniya: 25.05.2016).
14. Tinyakova E.A. Kak fol'klor mozhet stat' istochnikom istoricheskikh issledovaniy // Filologiya: nauchnye issledovaniya. – 2016. – 1. – С. 21 – 25. DOI: 10.7256/2305-6177.2016.1.17898.
15. Kaminskaya E.A. Antropologicheskie izmereniya kul'turnykh smyslov traditsionnogo fol'klora // Filosofiya i kul'tura. – 2016. – 3. – С. 430 – 439. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.3.16974.
16. Khokon S.E., Siyukhova A.M. Adygskii etnokostyum v sotsiokul'turnoi situatsii sovremennogo polietnichnogo regiona // Chelovek i kul'tura. – 2014. – 5. – С. 1 – 31. DOI: 10.7256/2409-8744.2014.5.14593. URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_14593.html
17. M. Moss Uchebnyk etnografii (perevod fragmentov M.N. Prorokovoi) // Filosofiya i kul'tura. – 2012. – 7. – С. 85 – 98.
18. M. I. Kravchuk Severnyi Kavkaz: problemy vosstanovleniya Perechnya kolleksii fotodokumentov moskovskikh etnograficheskikh ekspeditsii (1920–1931), khraryashchikhsya v RGAKFD RF // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. – 2011. – 6. – С. 38 – 50.